Razdiel

Moskva

1891

Reel: 53 Title: 9

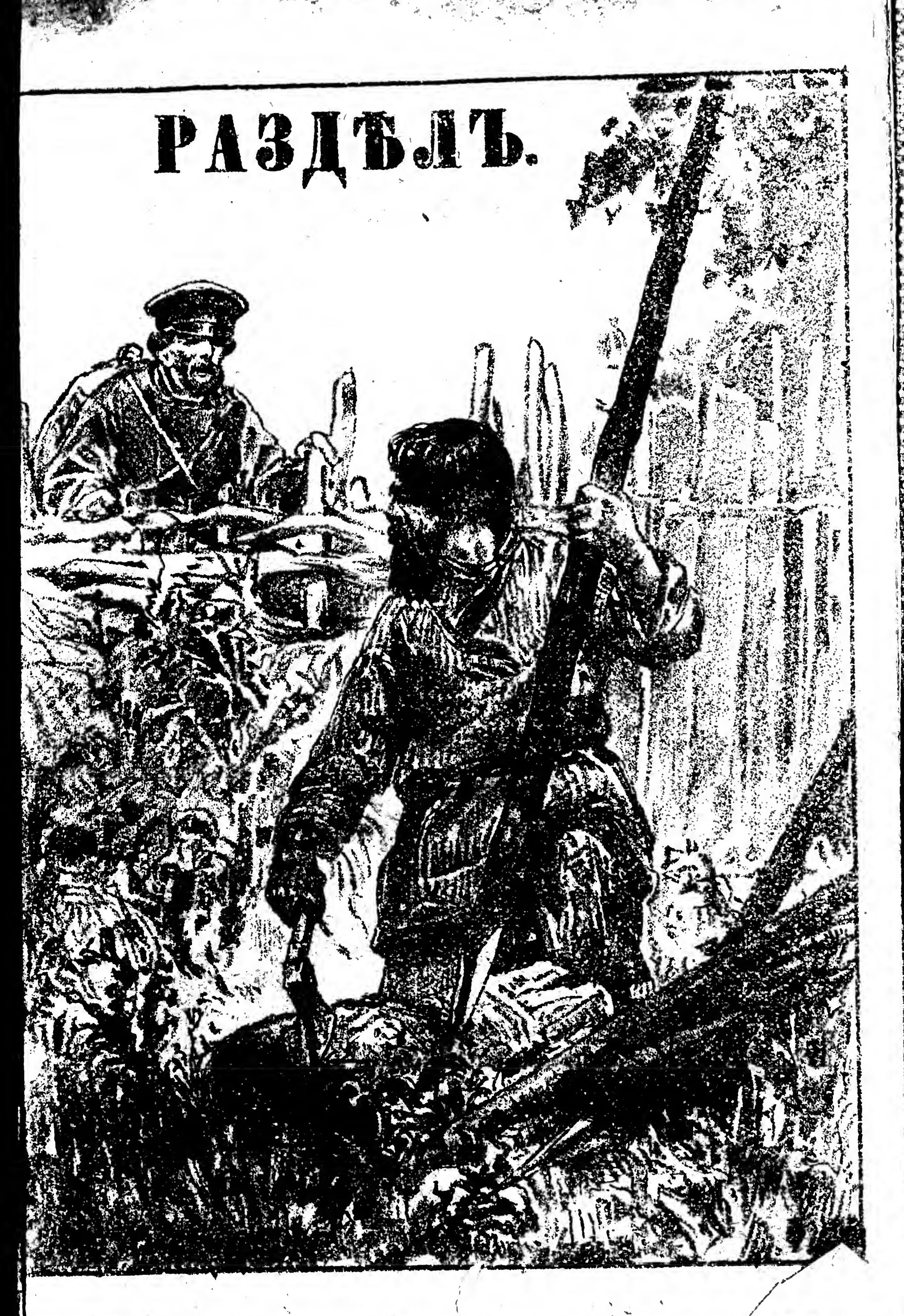
BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION

Master Negative Storage Number: OCI00053.09

Control Number: AEM-5652
OCLC Number : 30681560
Call Number : W 381.5917N Ou4n no. 2
Title : Razdiel / razskaz krest'ianina.
Imprint : Moskva : Tip. I.D. Sytina, 1891.
Format : 35 p. ; 16 cm.
Note : "No. 38".
Note : Illustrated covers.
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 10/31/94
Camera Operator: CJ

РАЗДѢЛЪ.

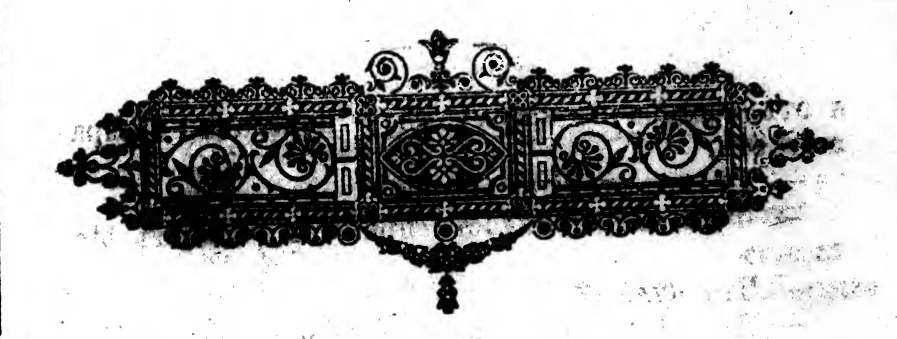
РАЗДѢЛЪ.

РАЗСКАЗЪ КРЕСТЬЯНИНА.

№ 38.

МОСКВА.
Типографія И. Д. Сытина и К°., Валовая ул., соб. домъ.
1891.

Дозволено цензурою. Москва, 16 октября 1890 года

РАЗДѢЛЪ.

I.

Жилъ я въ Москвѣ на фабрикѣ и получилъ разъ изъ деревни отъ брата письмо, а въ письмѣ томъ онъ звалъ меня къ себѣ въ деревню на лѣто — помогать работать. Прочиталъ письмо я и говорю мастеру:

— Больше не могу работать, похѣрьте меня въ дневной книжкѣ.

Объявилъ я это мастеру и отправился къ хозяину въ контору. Прихожу въ контору: хозяинъ сидитъ, читаетъ газету, а приказчики — отъ нечего дѣлать — попусту счетами щелкаютъ.

Вошелъ я и сталъ у стѣны, дожидаюсь, когда увидитъ меня хозяинъ.

Не долго такъ стоялъ. Хозяинъ бросилъ читать газету, положилъ ее въ сторону, окинулъ глазами всю контору и увидалъ меня. Подумалъ, что

DAMAGED PAGE

я отъ мастера по какому дѣлу присланъ, и спрашиваетъ:

— Ты что стоишь, Ѳедоръ?

— Я къ вашей милости пришелъ, Игнатъ Макарычъ.

— Что нужно?

— Не смѣю сказать вамъ... Отпустите меня на лѣто въ деревню.

— Что о-о?

— На лѣто въ деревню отпустите.

— Зачѣмъ? что это тебѣ въ голову пришло? погулять, пьянствовать въ деревнѣ захотѣлось?

— Что вы! этого я никогда и въ помыслахъ не держалъ...

— Такъ зачѣмъ же тебѣ понадобилось въ деревню ѣхать? Ты, намедни, какъ деньги бралъ, говорилъ: до осени не поѣду въ деревню.

— Да, я, правда, намедни говорилъ.

— Ну, а теперь что понуждилось тебѣ? за какимъ дѣломъ?

— То и понуждилось, Игнатъ Макарычъ, что письмомъ меня въ деревню наказываютъ.

— Покажь, гдѣ письмо?

— Вотъ оно, извольте. Я васъ не обманываю.

— Знаю я, братъ, знаю. Не первый разъ мнѣ видать ваши мудреныя продѣлки. Проситесь-то домой, а вмѣсто того останетесь здѣсь украдкой,— шляетесь по кабакамъ.

Посмотрѣлъ хозяинъ мое письмо, посмотрѣлъ пристально, сурово и на меня, да и говоритъ:

— Смотри, вѣрно ли?

— Вѣрно. Ей богу, не обманываю.

— Ну, такъ значитъ, домой хочешь ѣхать?

— Да, на цѣлое лѣто домой.

— Когда жъ думаешь отсюда отправиться?

— Сегодня нужно бы.

— Для меня все равно, когда хочешь. Книжка разсчетная съ тобой?

— Здѣсь.

— Давай сюда. Подочтите, господа, его, говоритъ онъ приказчикамъ: сколько ему за работу приходится денегъ выдать.

Приказчики живо подочли книжку, чернилами что-то въ ней подписали, отдаютъ опять въ руки хозяину. Тотъ тоже въ ней что-то черкнулъ и подзываетъ меня.

— Поди сюда, Ѳедоръ! Тебѣ приходится съ меня получить шестнадцать рублей пятьдесятъ копеекъ; полтора рубля съ тебя вычитаю за пропускъ, три дня. Значитъ, ты берешь полное жалованье ровно за два мѣсяца.

Взялъ я деньги и паспортъ, собралъ вещи, пораспрощался съ рабочими, которыхъ зналъ, на прощанье купилъ имъ сороковушку водки и отправился со двора.

На пути зашелъ въ лавочку, купилъ, какъ бываетъ, въ деревню гостинчиковъ: три фунта баранокъ, два платочка братниныимъ дѣвочкамъ, себѣ новый картузъ да зеленый кушакъ.

Гостинцы уложилъ въ бѣлую сумочку, завязалъ новымъ кушакомъ, вскинулъ на плечи и поплелся на вокзалъ.

Время было еще почти утро, когда я разсчитался и вышелъ съ фабрики; до поѣзда же нужно было

ждать часовъ до двухъ пополудни. Пришелъ я на станцію, замѣтилъ пустую лавочку, положилъ на нее мѣшокъ и сѣлъ дожидаться поѣзда. Вытянулъ я ноги, легъ головой на мѣшокъ, — дай, думаю, сосну. Но не спалось, и сталъ я думать.

Бывало, думаю себѣ, братъ всегда и въ домѣ и въ полѣ одинъ управлялся въ дѣлахъ, не знавалъ никогда, что такая за помощь... А то вдругъ на, не думавши, ему братъ понуждился. Право, не сообразишься хорошенько-то, что я могу тамъ дѣлать, какой я ему буду помощникъ?

Небось знаетъ, что я человѣкъ непривычный къ деревенской работѣ: ни сохи не могу удалить, или придется крюкъ настроить, косу наладить, отбить, — такъ и не знаю, какъ взяться. Право, чай, люди будутъ смѣяться мнѣ, какъ за какое дѣло ни возьмусь. Какой чудакъ братъ! Коли видитъ — одному нѣтъ моготы, работать трудно, взялъ бы да и нанялъ какого-нибудь себѣ обломка, пускай его ворочаетъ. А то что теперь сдѣлалъ? Съ мѣста меня сорвалъ. А какія отъ меня дѣла? А если бы нанялъ онъ работника, и было бы хорошо. Дома и въ полѣ все порядкомъ бы шло, а я, конечно, постарался бы деньжонокъ на требу выслать. Не соображусь, да и на! Что вышло: отъ хозяина я ушелъ; въ другой-то разъ ни то возьметъ, ни то нѣтъ, какъ пойдешь опять въ городъ и будешь около тумбочекъ слоняться...

Да и то сказать: чего я робѣю? Не найду осенью мѣста, приду домой и буду лежать на печи, съ женой поживу; а хлѣба-то мнѣ давай. Можетъ, не

отъ глупости и мѣсто потерялъ, вы наказали, вы и виноваты.

И теперь пріѣду,—какъ умѣю работать, такъ и буду; на что гораздъ, за то и возьмусь. И люди за что мнѣ будутъ смѣяться? Авось, они знаютъ, что первый разъ мнѣ приходится за деревенское дѣло браться. Чего не знаю,—поучите, молъ, добрые люди; небось и самихъ васъ когда-нибудь учили. Не медвѣдь... Медвѣдей и то учатъ, и тѣ понимаютъ; а я такой же человѣкъ, какъ и вы, авось, какъ-нибудь пойму. Что жъ дѣлать? Ну, разъ будетъ плохо,—не взыщите, а другой послараюсь, будетъ получше...

Думалъ я, думалъ такъ, да и заснулъ. Очнулся я, толкаетъ меня кто-то. Народу много нашло, ужъ билеты берутъ.

Только успѣлъ взять билетъ, смотрю, подходитъ поѣздъ; сразу надвинулъ и сталъ въ вокзалѣ. Народъ толпится оттуда и отсюда въ дверяхъ, такъ что нѣту силъ продраться въ вагонъ. Пролѣзъ я помаленьку бокомъ черезъ толпу въ вагонъ, въ третій классъ...

Сѣлъ я на лавочку, перекрестился, и минутъ черезъ пять покатила чугунка; шибче, шибче, и разошлась, только затарахтѣло и застучало, потрясывая вагоны.

II.

Соскучился я въ вагонѣ, объ деревнѣ раздумался, объ письмѣ.—Не обманъ ли какой? Не дурное ли что затѣвается между домашними? Не случи-

лась ли какая бѣда въ домѣ? Конечно, можетъ быть, они не хотѣли меня огорчить въ письмѣ; а вѣдь все равно я узнаю. Ишь на грѣхъ-то и поѣздъ какъ тихо идетъ, какъ нарочно!..

Стали подъѣзжать ближе, еще больше стало нетерпѣніе.

— Стой! кажется, свистокъ?—Свистокъ и есть. Поѣздъ тише, тише; совсѣмъ остановился.

— Станція Отрада! Поѣздъ стоитъ три минуты! прокричалъ кондукторъ.

— Слава Богу! насилу-то я добрался, ужъ не чаялъ, когда онъ дойдетъ.

Поспѣшно взялъ я въ руки свою сумочку и вышелъ изъ вагона. Около нашей станціи суетились взадъ и впередъ извозчики, заманивая каждый къ себѣ сѣдока.

Меня также увидалъ односельскій мужичокъ-извозчикъ, подошелъ сзади, кричитъ:

— Ѳедюха, здорово! Что жъ, подвезу, что ль? по-землячки-то?

— Какъ же, какъ же, дядя Максимъ, подвези.

Мужикъ хорошій былъ дядя Максимъ. Теперь его ужъ нѣтъ. Царство ему небесное!

Дорогою-то, какъ мы поѣхали, и разговорились съ нимъ. Говорю:

— Ну, какъ дѣла идутъ у васъ въ деревнѣ, землячокъ?

— Какъ дѣла? Живемъ помаленьку, хлѣбушекъ жуемъ, своего не мотаемъ, а чужого не хватаемъ, такъ и проводимъ время, пока Богъ грѣховъ терпитъ. Вотъ обрызгали сѣменцами землицу, слава Богу! Въ иныхъ мѣстахъ ужъ всходы стали пока-

зываться. Ужъ и всходы же, братъ, какіе,—просто чудо! Надо бы лучше, да нельзя. Что-то будетъ въ наливѣ!

— А не знаешь ты, дядя Максимъ, что мой братъ-то, Лукаха, тоже управился съ посѣвомъ?

— Ну, какъ не знать! чай, только черезъ дворъ живемъ, а дома-то я каждый день бываю. Отсѣялъ. Три дня вотъ ужъ какъ лошади отдыхаютъ на подножномъ корму. Слышалъ, будто бы своихъ сѣмянцовъ не хватило,—въ Ананьево, ишь, ѣздилъ покупать; кажется, что восемь съ половиною мѣръ купилъ; право, не припомню. Да это все хорошо; не изъ дому, а въ домъ. Вѣдь, говорится пословица: что купилъ — нашелъ, а продалъ — потерялъ. Ты смотри, Өедюха, что твой братъ въ домѣ-то сдѣлалъ, просто чудо! Дворъ новый поставилъ, покрылъ подъ причесъ, крыльцо съ узорами, да краской расписалъ. И сосѣди-то всѣ диву дались! „Откуда что беретъ Колчаноговъ Лукаха?" говорятъ. Да что тебѣ обо всемъ говорить! Ты и самъ знаешь, каковъ твой братъ—не любитъ, сложа руки, посидѣть. Вонъ, мои ребята теперь отсѣялись и шабалдайничаютъ такъ, дѣловъ для себя никогда не найдутъ, а что воткнешь имъ въ носъ, то и сдѣлаютъ. А твой братъ ни на минуту не бываетъ безъ дѣловъ; смотришь — либо чеки на телѣгу тешетъ, либо грабли къ покосу готовитъ, и когда ты ни приди,—посмотри,—все онъ съ дѣломъ въ рукахъ. Одно только не хорошо, если правда...

— Что такое, дядя Максимъ?

— А ужъ этого-то я тебѣ не скажу.

— Отчего же, что же такое, что сказать нельзя?

— Вотъ пріѣдешь домой, и самъ послѣ узнаешь. А мнѣ какъ тебѣ сказать? знаешь, нынче какой народъ? слово сказалъ, поди, десять своихъ прибавятъ, да и прозовутъ кляузникомъ. И не хорошо мнѣ будетъ на старости лѣтъ!

— Что ты, что ты, дядя Максимъ! да у меня и насильно слова не скоро выпытаютъ.

— Ну, когда такъ, Ѳедя, по тебѣ слово. Жена твоя намеднись была у насъ и разсказывала моей старухѣ и невѣсткамъ, будто бы ужъ очень ей плохо жить. Говоритъ, деверь ни во что не вступается, а невѣстка измывается. Не знаю, какъ тебѣ сказать, кто у нихъ правъ, кто виноватъ. За братомъ твоимъ плохо никто не замѣчаетъ; жена его тоже баба смирная. Вотъ, намедни, у брата не хватило денегъ на овесъ, а она, матушка, взяла сороковой холстъ, продала и деньги отдала мужу. Ты, вотъ что, Ѳедя, когда пріѣдешь домой, оглянись хорошенько, поговори съ братомъ по совѣсти, и узнаешь, въ чемъ дѣло. Бабы-то своей побаски меньше слушай. Мало чего бываетъ! можетъ и правда, когда братъ твой чего и сурово скажетъ,—простить можно. Мнѣ Богъ съ вами, Ѳедя! я, право, вамъ худа не желаю. Жить съ братомъ въ согласьи хорошо. Не даромъ говорится старинная пословица: любовь братская крѣпче каменныхъ стѣнъ.

На томъ мы и разговоры покончили. Тутъ и село наше видно стало.

III.

— Дядя Максимъ, останови-ка лошадь-то свою. Я отселева, пожалуй, и пѣшкомъ пройдусь; вотъ эта тропинка-то прямо до нашего дома.

— Зачѣмъ? что ты? сиди; я тебя до двора доставлю.

— Не нужно, не безпокойся. Авось, у меня ноша-то не очень тяжелая. А то знаешь: поди, увидать и скажутъ: ишь какой щеголь! боится ноги замарать,—извозчика нанялъ. Спасибо тебѣ и на этомъ; на вотъ тебѣ тридцать копеекъ за труды. Прощай пока; послѣ. Богъ дастъ, повидаемся.

Подержалъ Максимъ деньги на ладони, словно раздумывая, брать или нѣтъ, и потомъ положилъ ихъ въ кошель и уѣхалъ.

— Да! а пожалуй, правду говоритъ дядя Максимъ. На самомъ дѣлѣ, баба моя попусту много болтаетъ. Рѣдко ужъ когда объ дѣлѣ зачнетъ, а то больше попусту—и слушать нечего... Ну, да я не за все бабу слушаю; сперва обгляжусь, правду ли говоритъ.

Ужъ солнце заходить стало, какъ я къ дому подошелъ.

Братъ мой въ это время былъ на огородѣ, тесалъ колья на изгородь; онъ и не замѣтилъ, какъ я подошелъ.

— Здорово, братъ! окликнулъ я его.

Онъ оглянулся и, словно удивившись, промолвилъ:

— А... а? а я-то не вижу,—нежданный гость. Здорово! здорово! Ишь ты, кабы знать-то, я бы за тобой выѣхалъ на вокзалъ, все равно, лошади-то такъ гуляютъ. Чай уморился? Давай сумочку-то, пойдемъ въ избу.

Вошли мы въ избу: перекрестился я на иконы, картузъ на гвоздикъ надъ дверью повѣсилъ и сталъ раздѣваться. Раздѣлся, сѣлъ на лавку; около меня сѣлъ и братъ.

— Всѣ ли вы тутъ живы?

— Слава Богу!.. Пока Богъ грѣховъ терпитъ, живемъ помаленьку.

— А гдѣ-жъ еще-то народъ?

— Право, не знаю, куда бабы пошли. Мы нынче вѣдь картофель садили; небось, лукошки по сосѣдямъ разносятъ; а дѣвки-то, кажись, пошли на выгонъ за коровами. Какъ у васъ, въ Москвѣ-то? Всѣ, говорятъ, фабрики становятся, совсѣмъ дѣловъ нѣтъ.

— Этого не слыхалъ. Развѣ все-то узнаешь? А у насъ на фабрикѣ дѣловъ по самое горло, просвѣту не видимъ; насилу вотъ у хозяина домой отпросился.

— Ты что жъ? али чѣмъ нездоровъ?

— Нѣтъ, а что?

— Да такъ, молъ, нежданно пріѣхалъ.

— Какъ такъ? Вы же меня сами наказывали пріѣзжать?

— Кто?

— Да ты же.

— Я? я... ничего не знаю.

— Какъ же ты не знаешь, когда мнѣ письмо прислалъ?

— Какое письмо? что ты вздумалъ? Богъ съ тобой!

— Какое, какое... Вотъ оно, смотри.

— Вотъ такъ штука! Да я никакихъ писемъ никому не посылалъ.

— Да ты что же это, братъ, шутишь, что ли, со мной?

— Какая шутка! Ей-богу, я ничего не знаю.

— Ну, дѣла! хорошо удрали.

— Намедни жена твоя Коротышкина мальчика приводила письмо писать. Да вѣдь она, правда, сказывала, что это брату въ полкъ.

— Ну, ладно, опосля узнаемъ.

Въ это время открылась дверь, вошла братнина жена, увидала меня, поклонилась.

— Здравствуй, Өедоръ! съ пріѣздомъ!

— Спасибо, Аннушка. Моя жена гдѣ жъ, что я ея не вижу?

— Не знаю, да, небось, на полатяхъ лежитъ. Степанида, а Степанида! эка, голубушка, крѣпко уснула. Степанида! вставай, хозяинъ изъ Москвы пріѣхалъ.

— Ну что привязалась-то? пріѣхалъ и пріѣхалъ.

— Да проснись! право слово тебя не обманываю.

— Сейчасъ слѣзу.

Затрещали доски полатей, и моя жена спрыгнула на хоры и сѣла.

— Ну, чего жъ такъ сѣла, ай тебя приковали? должна бы подойти, да поздороваться съ мужемъ, говоритъ невѣстка.

— Что глаза-то лупишь? говорю, или спросонья не узнаешь?

— Отчего не узнать? авось, не двадцать годовъ не видались, всего одинъ годъ.

— Собрала бы ты чего закусить, сказалъ женѣ своей братъ. Чай, братъ, съ дороги-то проголодался.

— Да не стряпались мы нынче, говоритъ невѣстка: все некогда. Есть похлебка.

— Ну, собери чего ни на есть... Бабье дѣло— найдешь, какъ понадобится.

Улыбнулась Аннушка.

— Вотъ какъ на бабъ надѣется!

— А какъ же, на то вы и бабы... а ты иди, иди, выставь, чего есть.

— Ну, ладно.

Она выставила на столъ, что было. Сѣли, накрошили огурцовъ съ квасомъ и потомъ похлебку опорожнили. Всѣ ѣли. Только одна моя жена ни до чего не дотрогивалась.

Послѣ ужина дѣвчата полѣзли на полати спать, братнина жена взялась чашки съ ложками мыть, жена моя сѣла у окна, а мы съ братомъ свернули изъ махорки по большой папироскѣ и задымили на всю избу.

И такъ тихо въ это время сдѣлалось въ избѣ, хоть слово бы кто какое буркнулъ, всѣ молчали.

Только и было слышно изрѣдка плесканье лещей въ водѣ да дыханье моей жены, которая сидѣла противъ насъ и тяжко вздыхала. Искурилъ я всю папироску, бросилъ, откашлянулся и говорю женѣ:

— Степанида, а Степанида!

— Што-о-о?

— А что ты писемъ никому не посылала?

— Кому я забыла посылать? у меня всѣ дома живутъ.

— Нѣтъ, на самомъ дѣлѣ, не посылала никому?

— Нѣтъ.

— Нѣтъ.

— А вотъ, братъ говорилъ, что ты мальчишку Коротышкина писать заставляла?.. Ну, кому жъ это?

— Брату въ полкъ.

— А ты вотъ что, не вертись, говори правду: не брату ты писала, а мнѣ.

— Что таиться-то, ты вѣдь ему писала? сказалъ братъ.

— Я... буркнула она нехотя.

— Давно бы такъ сказала, да и ладно. Вотъ теперь-то мы поговоримъ съ тобою по душамъ, сказалъ братъ.

— На что это я тебѣ понадобился? а? говорю.

Жена заплакала.

— Ну, вотъ, говорю, это къ чему еще захныкала? ты говори дѣломъ, а плакать нечего; знаешь, Москва слезамъ не вѣритъ.

— Я ни, ни... ни...

— Перестань плакать; что я твоихъ слезъ,

что ль, не видывалъ? Ты мнѣ все по-порядку должна разсказать, я буду слушать. Обижаютъ, что ль, тебя, говори?

— Да, знамо дѣло, обижаютъ, да если бы не обижали, развѣ стала бы тебѣ письмо писать? Самъ-то ты ишь куда закатился, а меня оставилъ здѣсь одну на мытарство. Что я, ай каторжная какая? Какъ не грѣхъ тебѣ? Ужъ ты бы лучше не женился и чужой вѣкъ не заживалъ...

— Кто же тебя обижаетъ? скажи мнѣ.

— Знамо, не чужіе, а свои семейскіе.

— Ну, кто, напримѣръ?

— Да всѣ. Деверь на меня ругается на каждомъ почти шагу, невѣстка и вовсе поѣдомъ ѣстъ, ужъ и дѣвки-то и тѣ совсѣмъ защипали. За что ни возьмись дѣлать, все то не по ихнему, все не такъ, только и слышишь: дура, да безрубашница, да чужедомница. Нешто это житье, нешто житье? а ты вонъ куда закатился. Не видишь и не слышишь, что тутъ дѣлается. Что жъ мнѣ теперь дѣлать? руки, что ль, на себя наложить?

Братъ мой слушалъ, слушалъ, покачалъ головой и говоритъ:

— Ахъ, Степанида, Степанида, не грѣхъ тебѣ, не стыдно это тебѣ? кто тебя обижаетъ?

— Да ты первый.

— Врешь, ей-богу, врешь! я тебя, какъ свое родное дитя, жалѣю, и сосѣди всѣ знаютъ, я тебѣ никогда грубаго слова не скажу, Богъ съ тобой, что хочешь, говори,—помирать будешь!

— Знамое дѣло, сосѣди знаютъ, какъ же не

знать? они не разъ видѣли, какъ ты на меня ругаешься. Когда ни придешь къ нимъ, всегда говорятъ: «ты, Степанидушка, какая-то претерпѣнница, другая бы, чай, дня не стала жить въ такой семьѣ. Мы, говорятъ, о тебѣ, наша голубушка, каждый день вспоминаемъ, и просто твоему терпѣнью дивушку дались. Вотъ такое же житье, еще хуже твово, Уляхиной молодки. Столько она, сердечная, горюшка видитъ; Господи, укрой. Мы тебя съ нею мученицами и называемъ»...

— Говори, говори, Степанида, сказалъ братъ; воля твоя, языкъ безъ костей, что хошь скажешь. А только не ладно такъ дѣлать, кровныхъ братьевъ другъ на друга заставляешь сердиться.

— Тошно-то придетъ, нешто вытерпишь? говоритъ опять жена. Не цѣлый вѣкъ мнѣ такъ мучиться, надо какой-нибудь конецъ сдѣлать!

— Это какой же конецъ ты задумала, ужъ не дѣлиться ли? спрашиваетъ братъ.

— Да, а то что?

— Спасибо! хорошъ будетъ, если братъ тебя послушается, за добро-то зломъ заплатитъ; вотъ-то и на!

— Братъ! перестаньте! говорю, довольно считаться вамъ, я вижу, этому не будетъ конца, дальше въ лѣсъ, больше дровъ; успѣемъ завтра поговорить.

— Эхъ, братъ! досадно вѣдь, какую она на меня напраслину взноситъ! Что жъ, она будетъ говорить, а я передъ ней буду молчать?

— Ну, ты, трещетка, говорю я женѣ, расходилась, довольно, замолчи!

— Что, ай обвели тебя, ай обворожили, на жену кидаешься? вскинулась она на меня.

— Да, говорю, обворожили.

— Когда такъ, а я и вовсе тобой не нуждаюсь: дай мнѣ паспортъ, я пойду въ городъ жить.

— Ну, хорошо, завтра дамъ, иди, куда идешь-то.

И жена моя тотчасъ хлопнула дверью, инда петли затрещали, и вышла въ сѣни, легла на кровать, ругая меня на чемъ свѣтъ стоитъ.

Погасили свѣчку; братъ легъ на хоры, невѣстка полѣзла къ дѣвкамъ на полати, а я свернулся на лавкѣ, одѣлся кафтаномъ и крѣпко заснулъ.

IV.

Утромъ я проснулся очень поздно, вышелъ посмотрѣть, солнышко было уже высоко. Пришелъ со двора въ избу, свернулъ папиросу, закурилъ и сѣлъ опять на лавку. Подошелъ ко мнѣ братъ и говоритъ:

— Однако, ты по-московски спишь, долго.

— Да, есть когда въ Москвѣ долго спать: тамъ еще зари не видать, а ужъ на работу будятъ. Дома хоть немножко понѣжился.

— Иди чай пить; самоваръ готовъ.

— А, вотъ это хорошо, надо только обуться. Братъ! а дѣвчата встали? спросилъ я.

— Пора!

— Такъ пошли же ко мнѣ какую-нибудь.

— Аксютка, поди сюда, дядя зоветъ! кликнулъ братъ.

— Сейчасъ!.. Что тебѣ, дяденька? Я вотъ, сказала она.

— Ты пришла ужъ? говорю, ай да умница; погоди, за это я тебѣ что дамъ-то...

— А что?

— Вотъ увидишь... тамъ покажу.

Я обулся, умылся и помолился Богу.

Братъ разставилъ чашки на столъ, внесъ самоваръ, заварилъ чай и говоритъ:

— Садись же, братъ, чай-то пить, что ждать-то. И вы, бабы, коль убрались,—тожъ. Анна, ты лепешки пекла?

— Давно поспѣли.

— Давай сюда! съ чаемъ тепленькаго хорошо.

— Братъ, ну-ка достань, говорю, суму-то съ крючка: тамъ есть баранки, давай ихъ къ чаю.

— На что ихъ, баранки, Өедоръ! ломайте лепешки, онѣ хорошія—на коровьемъ маслѣ. А баранки-то въ другой день, когда-нибудь, еще къ чаю годятся.

— Анна, что жъ, говорю, Аксюткѣ чашку не поставила?

— И... баловать ихъ, съ большими сажать, успѣютъ; останется, тогда опосля попьютъ.

— Аксютка, поди сюда! позвалъ я ее.

— И... Өедоръ, какой ты чудной! говорю, послѣ напьются.

— Да я не за этимъ ее зову. Иди, иди! я тебѣ гостинецъ обѣщалъ дать. На-ка вотъ тебѣ платочекъ, носи на здоровье.

— Спасибо, дядюшка! давай я тебя поцѣлую.

— Ахъ, ты смѣлая какая, ну, поцѣлуй, поцѣлуй. Анна, а гдѣ же Хаврошка?

— Ея нѣту; она телятъ стережетъ.

— Я ей тоже было гостинчикъ привезъ. Ну, все равно, на, дай ей полушалочекъ, скажи,—дядя въ подарокъ привезъ.

— Спасибо тебѣ, Өедоръ, спасибо! хоть моихъ дѣтокъ не забываешь. Дай тебѣ Богъ здоровья. Аксютка, иди къ дядѣ, въ ноги кланяйся.

— Что ты, что ты, Анна, не къ чему, и такъ дѣло обойдется. Поди-ка, Аксютушка, лучше меня еще поцѣлуй; ты, я вижу, охотница цѣловаться. Вотъ такъ! вотъ умница дѣвочка, на тебѣ за это еще пятачокъ на подсолнушки; купи, да смотри, чтобы Хаврошкѣ половину дать.

— Дядевька, я не буду подсолнуховъ покупать, а мамѣ велю на него сережки купить.

— Ну, ну, что знаешь, покупай; иди съ Богомъ.

Пьемъ мы чай, а братъ вздохнулъ и говоритъ:

— Да, братъ, видишь, вотъ какое дѣло-то, вѣдь не хорошо.

— Въ чемъ такое?

— Ты слышалъ вчера вечеромъ, что твоя жена говорила? чѣмъ же я ее обижаю? что она ай больше всѣхъ работаетъ? ай прежде всѣхъ выйдетъ на работу? вѣдь нѣтъ, спроси-ка!

— Нечего меня спрашивать, я какъ вчера говорила, такъ и нынче скажу, что ты вамъ-вамъ съѣдумъ, совсѣмъ заѣлъ, замоталъ меня; нѣтъ того дня, чтобы ты не обругалъ меня, не срамилъ меня. А за что? за что, самъ не знаешь! что я меньше

твоей жены работаю? Безсовѣстный! Твоя жена-то каждое утро около печки трется, а я, пока она что,—сто дѣловъ передѣлаю. Какъ встанешь—скотину прогони, дровъ наруби, воды въ избу принеси, а тамъ на рѣчку сходи, и опять съ ней поспѣвай на работу. А ей-то что, сидитъ себѣ, какъ барыня, кочергой помѣшиваетъ. А уберется, взабудитъ своихъ голованокъ-то, нажрется творогу съ молокомъ украдкой, а тебѣ оставитъ одни помои забѣленныя, и равняйся съ ней.

— О... охъ, Степанида, Степанида, какъ у тебя совѣсти хватило говорить такія слова? Когда же ты меня видѣла, что я съ дѣвками украдкой отъ тебя ѣла?

— Да мнѣ кума Прасковья сказывала, говоритъ: «милая ты моя Степанидушка, я пришла третьяго дня къ вамъ за безменомъ, а твоя ясколобая старшая-то сидитъ, да намазываетъ хлѣбъ сметаной своимъ дѣвчонкамъ. Какъ увидала она меня, да и давай скорѣй фартукомъ накрывать. Ни словечушка я ей въ этотъ разъ не сказала». А я тебя сама намедни съ коровьимъ масломъ захватила.

— Да, а ты и вовсе мѣру картошекъ отнесла сапожнику за починку, воровка! огрызнулась Анушка.

— Нѣтъ, я не воровка, а ты воровка, съ гнѣздовъ яйца таскаешь на подсолнухи да на иголки.

— А ты видала?—видала, докажи, безподставошница ты этакая! докажи! я тебя въ старостѣ сведу, не срами меня. Ай ты теперь завела подставки-то? а то вѣдь въ чужой рубахѣ замужъ выходила.

— Тамъ въ чьей ни выходила, да теперь-то лучше тебя уберусь и на люди выйду, не какъ ты, оборванка.

— Мнѣ нечего за тобой гоняться, у тебя въ Москвѣ мужъ живетъ, чай, каждый праздникъ подарки тебѣ волочитъ. А мнѣ негдѣ взять; мой въ деревнѣ изъ земли не выкапаетъ. Намедни сѣменовъ-то не хватило, у тебя не взяли ничего, а я послѣдній холстъ продала да деньги и отдала ему; нужда-то семейская.

— А я, вотъ, три воскресенья къ твоему мужу приставала лапти купить, и то не купилъ, такъ на свои деньги и купила.

— Врешь, врешь, Степанида, ни слова ты о лаптяхъ не говорила, сказалъ братъ. Тебѣ не хотѣлось деверю покориться,—дай, молъ, не уважу ему. Ты вѣдь знаешь, отъ Пасхи сама все на меня серчаешь, а невѣдомо за что.

— Что мнѣ серчать? серчай не серчай, по моему не будетъ; а все жъ таки я такъ жить больше не хочу.

— Ну, какъ же тебѣ еще теперь хочется жить?

— Такъ мнѣ и хочется, раздѣлиться нужно.

— Раздѣлиться?

— Да, раздѣлиться.

— Вотъ такъ хорошо! вотъ такъ отдумала! спасибо. То одинъ домъ крѣпкій стоитъ, а то два, да худые; ладно, ладно, такъ по твоему и дѣлать.

— Да чего жъ не дѣлать? щей горшокъ, да самъ большой. За то никто меня не будетъ шпынять, сама всякому носъ на бокъ своротчу.

— Дура! сейчасъ-то какъ мы ни живемъ, все-таки насъ двое, у меня нѣтъ,—братъ поможетъ. А тогда что будетъ? ни онъ, ни я не расцвѣтемъ, а въ корень разоримся. Знаешь, двѣ плахи-то и въ полѣ шибко горятъ, а одна и въ печи гаснетъ.

— Хоть что ты мнѣ ни говори, не хочу я съ тобой жить.

— Өедоръ! повернулся братъ ко мнѣ, слышишь, что жена-то говоритъ? дѣлиться проситъ.

— Да что жъ, братъ, говорю,—какъ тебѣ сказать, я вашихъ дѣловъ ничего не знаю.

— Ну что жъ—не знаешь, такъ дѣлиться надо?

— Да, дѣлиться, ввернула жена, а коли мой мужъ съ тобой не раздѣлится, я все равно тутъ не буду жить, а возьму паспортъ да въ городъ и уйду; хуже этого не будетъ.

— А говоришь, братъ, что ничего не знаешь; если бы ты ничего не зналъ, то не стала бы жена твоя такія слова говорить; у васъ, стало быть, заранѣ стакано? Богъ съ вами, дѣлитесь! сказалъ это братъ и заплакалъ.

— А не хорошо, Өедя, заговорилъ онъ опять, ей-богу не хорошо; грѣшно даже такъ дѣлать, отцовскій корень пополамъ дѣлить. Ты знаешь, сколько мы послѣ отца нужды перевидали; вспомнить, станетъ страшно. А теперь, слава Богу, маленько было поправились, и надо бы намъ жить да другъ на друга радоваться. Изъ чего намъ бы ссору заводить? что у насъ дѣтей, что ли, съ тобою много? ровно почти ничего.

Кончили чай, вышли изъ-за стола. Братъ запрягъ

лошадь и поѣхалъ двоить подъ ленъ землю; невѣстка вышла въ сѣни, подсѣвать на мельницу рожь, а жена моя вышла изъ избы и, не знаю куда, пошла; остался я одинъ дома, да дѣвочка еще мотала на клубокъ нитки. Скучно мнѣ было одному, поговорить не съ кѣмъ; дѣвочка мала, сама ничего не знаетъ; сидѣлъ я, сидѣлъ, потомъ взлѣзъ на полати и крѣпко заснулъ, и проспалъ почти до самаго вечера.

Вечеромъ собрались всѣ, поужинали; за ужиномъ сидѣли всѣ молча, хоть бы кто кому какое слово сказалъ.

Послѣ ужина пошло опять то же. Началась брань, да такая, что слушать было стыдно, и бабы чуть-чуть за косы не передрались; насилу ихъ братъ розналъ, говоритъ:

— Что вы, безсовѣстныя, дѣлаете? вотъ я васъ обѣихъ водой разолью.—Насилу унялись.

Легли спать. Жена моя рветъ и мечетъ:

— Знать ничего не хочу, чтобы безпремѣнно ты съ братомъ раздѣлился.

Я ей и говорю: такъ и сякъ моль, нельзя же ни съ того, ни съ сего прямо дѣлиться, на это нужно какую-нибудь причину имѣть.

— Не нужно тебѣ никакой причины искать, а говорятъ тебѣ: дѣлись и дѣлись, а если не послушаешь меня, не раздѣлишься, то значитъ ты мнѣ не мужъ и я тебѣ не жена.

— Да, глупая, мнѣ нельзя вѣдь этого сдѣлать; онъ мнѣ братъ да еще кровный.

— Нельзя? нельзя? Пусти, уйду, прощай!

— Куда ты пойдешь? Что будеть съ того? Что горячишься-то?

— Дѣло мое, куда я пойду; мнѣ все равно.

— Ну, погоди хоть до утра-то; разузнаю въ чемъ дѣло, можетъ и по твоему будетъ, все равно ужъ.

— Нечего мнѣ ждать утра, я знаю тебя: ты и утромъ опять то же самое скажешь.

— Говорю, тогда увидимъ: утро мудренѣй вечера.

И кое-то какъ жену я уговорилъ, и она словно маленько успокоилась, помолчала съ полчаса и говоритъ мнѣ:

— Да ты пойми, на кого мы работаемъ: что у насъ дѣти, что ли? Вѣдь на чужихъ дѣтей-то ворочаемъ, и они намъ глотку за это рвутъ. Подумай-ка! Ну, а если раздѣлиться-то,—все ужъ не то будетъ. И знать мы будемъ, что сами на себя работаемъ. Я-то, знаешь, останусь дома, сдѣлаю какъ нужно, все порядкомъ; а ты поѣдешь опять въ городъ, жить будешь, мнѣ денегъ высылать, и смотри, какъ мы съ тобою безъ нихъ заживемъ хорошо, что люди будутъ завидовать. А то, что мы сейчасъ-то—работаемъ, работаемъ, ворочаемъ, ворочаемъ, а Богъ знаетъ на кого. Кругомъ, куда ни оглянись, мы все съ тобою одни, возлѣ насъ нѣтъ никого. Просто, какъ объ этомъ только подумаешь, дѣло изъ рукъ валится. А онъ-то, братъ-то твой, гордится: «я, говоритъ, хозяинъ, я всему дому голова, безъ меня, говоритъ, и дѣловъ никакихъ бы не было». Вотъ тогда пущай онъ похозяйничаетъ; тогда узнаетъ, какъ чужихъ женъ

мытарить. Погоди, придетъ, поклонится и мнѣ; погоди, я ему уважу сама: фунта муки не дамъ ему взаймы.

— Степанида, будетъ тебѣ стрекотать-то; смерть спать хочется мнѣ; завтра поговоримъ.

Отвернулся я на другой бокъ отъ жены, одѣлся теплой дерюжкой и собрался заснуть.

V.

А братъ привелъ лошадей съ поля, далъ на ночь имъ корму, вошелъ въ избу, досталъ Евангеліе и взялся за книгу читать. Невѣстка уложила дѣвокъ спать, подмела избу, постлала на столъ бѣлую скатерть; подсѣла близко къ мужу и говоритъ:

— Лука, будетъ тебѣ читать-то; завтра праздникъ, ложись спать, а то къ заутренѣ не встанешь.

— Ложись сама-то, и я сейчасъ лягу.

— Лука, а Лука?

— Ну что? Какая ты безтолковая; ну что ты ко мнѣ привязалась?

— Да такъ, ложись спать; чай, нынче усталъ?

— Ну, что жъ, усталъ и усталъ; Богъ труды любитъ.

— Лука, а сказать тебѣ, что я сейчасъ слышала?

— Что?

— Невѣстка-то все пристаетъ къ мужу, чтобы онъ съ тобой раздѣлился.

— Какъ же теперь быть? Вѣдь насильно ему милъ не будешь.

— Лука, а вѣдь намъ плохо тогда будетъ.

— Чѣмъ?

— Да какъ же, вѣдь онъ тоже половину дома возьметъ, половину надѣла земли?

— Знамо, все пополамъ.

— Вотъ то-то и есть,—хлѣбушка-то намъ присѣять будетъ и не на чемъ, а вѣдь у насъ съ тобой дѣтки. Если бы мальчики они были, все ничего, а этихъ колчужекъ корми, корми, а выростутъ, убери ихъ да замужъ выдавай, а гдѣ что намъ будетъ взять? А братъ-то твой вѣдь одинъ.

— Ну какъ же теперь быть? И дѣвки такія же дѣтки; стало быть, намъ Богъ ихъ далъ.

— Лука, что хошь, а у него, у Ѳедора, деньги есть.

— Какія деньги? что ты болтаешь?

— Я сейчасъ своимъ ухомъ слышала, онъ говорилъ женѣ, какое дѣло: если раздѣлимся, не страшно будетъ, на перевозку лѣса и постройку денегъ хватитъ; еще, пожалуй, и останется.

Правда, невѣстка не лгала, у меня денегъ было рублей около ста тридцати. Деньги эти были мною нажиты за 12 лѣтъ жизни въ Москвѣ. А я ихъ утаилъ отъ брата, и онъ про нихъ не зналъ.

Долго братъ съ женою не спали и все сидѣли, разговаривали, какъ быть и какъ жить.

Занялась заря. Братъ и говоритъ женѣ:

— Анна, что-то я, какъ словно, озябъ? Не пойти ли мнѣ на печку маленько погрѣться; ты только ужъ, пожалуйста, тогда разбуди меня поутрени-то.

— Полѣзай, мерзлявый, разбужу. Ну, куда же

ты вотъ безъ брата-то годишься? Вотъ скоро петровки, а ты зябнешь.

— Эхъ, авось, Богъ дастъ, какъ-нибудь вѣкъ проживемъ.

И братъ взлѣзъ на печку. Невѣстка замѣсила пироги, легла тоже, и стало ужъ разсвѣтать.

VI.

Наступило утро 9 мая, Николинъ день. Зазвонили къ утренѣ. Братъ услыхалъ, одѣлся въ новый армякъ и пошелъ въ церковь. Невѣстка уже истопила печку—сажала пироги. Мы съ женою тоже не спали и слышали благовѣстъ, но не встали и не пошли въ церковь.

Жена опять мнѣ и говоритъ:

— Ну что жъ, Өедоръ, ты покончишь нынче съ братомъ, о чемъ я говорила, или нѣтъ?

Я ей и говорю:

— Вотъ что, Степанида: въ Кузьмищахъ нынче престольный праздникъ, а тамъ мой товарищъ живетъ; онъ тоже пріѣхалъ на праздникъ въ деревню. Вотъ я пойду къ нему сегодня въ гости и посовѣтуюсь съ нимъ объ этомъ дѣлѣ; если онъ скажетъ мнѣ—часъ добрый, то, значитъ, завтра и дѣлу всему конецъ—и братъ больше не родня.

— Да вѣдь ты обманешь?

— Ну вотъ, къ чему я буду тебя обманывать!

— Ну, то-то смотри.

Сказалъ я это женѣ и всталъ съ [illegible]-

ся, причесался, надѣлъ новую поддевку, взялъ палочку и хотѣлъ было идти, да вдругъ невѣстка увидала меня, подумала, что я къ утренѣ собрался, и говоритъ:

— Ѳедоръ! теперь ты опоздалъ, давно ужь отблаговѣстили къ утренѣ, пожалуй, скоро отойдетъ; не ходи; ужо лучше къ обѣднѣ сходишь.

— Я, Анна, не къ утренѣ иду, а въ деревню Кузьмищи.

— Это зачѣмъ же?

— Да у меня тамъ товарищъ живетъ; у него нынче праздникъ престольный, вотъ я и вздумалъ къ нему въ гости пройтися.

— А... а я думала, что ты къ утренѣ собрался. Ну, иди съ Богомъ.

Отъ нашего села до Кузьмищъ было верстъ, пожалуй, съ пятнадцать. Я и поспѣшилъ идти туда; мнѣ хотѣлось, чтобы попасть какъ разъ послѣ обѣдни. Всю дорогу я такъ шибко шелъ, что, какъ говорится, ногъ подъ собою не видѣлъ. На пути къ селу Кузьмищи была еще маленькая деревушка Малёвка. Не доходя этой Малевки, былъ небольшой лѣсокъ. Подхожу къ лѣсу, вдругъ закружилась у меня голова, я и думаю, что это отъ того, что у меня наканунѣ кровь носомъ шла, и что это сейчасъ пройдетъ. Но не тутъ-то было: когда я до лѣсу добрался, то совсѣмъ весь ослабъ, и не было силы мнѣ болѣе уже идти. Легъ я въ лѣсочкѣ подъ кустикъ на траву и все думаю: это такъ, вотъ отдохну маленько, авось, Богъ дастъ, пройдетъ. Лежу часъ, другой, третій, мнѣ стало все хуже, то по тѣлу пробѣгалъ морозъ, то силь-

ный потъ выступалъ на лбу, въ глазахъ помутилось, губы запеклись. Что тутъ дѣлать? Думаю, надо хоть какъ-нибудь до Малевки добраться, а то, пожалуй, помрешь въ полѣ, никто не узнаетъ.

Поднялся я съ земли съ большимъ трудомъ, пошелъ, еле-еле ногами двигая. Съ полверсты какихъ-нибудь и всего-то было идти, а часа въ полтора насилу дошелъ.

На самомъ краю деревни, не знаю, до чьей-то избушки старой я доползъ почти ползкомъ и прилегъ около завалинки на старую солому. Лежу, глаза мои закрылись, не хотѣли, словно, уже болѣе на свѣтъ смотрѣть; руки, какъ плети тяжелыя, опустились наземь. И сильно захотѣлось мнѣ пить. Но гдѣ взять? Пошелъ бы хоть въ этотъ домикъ попросить,—встать не могу.

Боже мой, хоть кто бы прошелъ мимо меня!

Нѣтъ, не видать никого. И думаю себѣ: отъ жажды помру здѣсь.

Съ полчаса лежалъ я на соломѣ; въ это время ни одинъ человѣкъ не прошелъ мимо меня, даже воробей и тотъ не вспорхнулъ съ крыши. Только солнышко одно пекло меня и горячими своими лучами уперлось прямо мнѣ въ глаза.

Началъ я себя винить, зачѣмъ я пошелъ? не просьбу ли жены исполнить? Совѣсть обличала меня и грызла мнѣ сердце. Ты хотѣлъ брата обидѣть, а вотъ и жизнь и здоровье въ Божьей волѣ.

А пить-то, пить-то какъ мнѣ хочется! Кажется, была бы около меня лужа мутной воды, всю бы выпилъ. Только я это сказалъ, вдругъ солома, на которой я лежалъ, зашумѣла; открылъ я глаза, и

енку, около меня въ соломѣ возятся ребята: дѣвочка лѣтъ осьми и мальчикъ лѣтъ пяти. Оба они въ холщевыхъ грязныхъ рубашкахъ и босикомъ; дѣвочка не покрыта, на мальчикѣ волосы всклокочены. Увидали они меня, испугались и побѣжали было въ хату. Я закричалъ имъ вслѣдъ:

— Куда вы побѣгли? я не трону, не бойтесь! — и дѣвочка остановилась.

— Поди-ка сюда, красавица.

И дѣвочка смѣло подошла ко мнѣ и глядитъ въ глаза. А я ей говорю:

— Дѣвочка, милая! поди, принеси мнѣ напиться.

— Напиться тебѣ, дяденька, говоришь?

— Да, голубушка, напиться принеси.

— Дяденька, вѣдь у насъ квасу нѣтути, мы никогда не варимъ; если хочешь, водицы принесу.

— Ну, хоть водицы, красавица, принеси; ужъ мнѣ больно пить-то захотѣлось.

И дѣвочка побѣгла въ хату. Минуты черезъ двѣ или три ко мнѣ подходитъ съ дѣвочкой и мальчикомъ пожилая женщина, съ кружкой воды въ рукахъ.

— Дашка! этотъ, что ли, человѣкъ воды-то просилъ?

— Этотъ, мама, этотъ самый.

— Молодецъ, а молодецъ! ты, что ли, просилъ испить-то? На, я принесла, испей холодненькой водицы.

Приподнялся я, взялъ дрожащей рукой кружку воды, перекрестился и всю до капли выпилъ.

— Не хочешь ли еще, молодецъ? проговорила женщина.

— Нѣтъ, тетенька, больше не нужно, благодарю на этомъ.

И послѣ этихъ словъ женщина и ребятишки присѣли подлѣ меня на соломѣ. Лицо у женщины было смуглое и все въ морщинахъ; глаза ввалились. Одежда была бѣдная: бѣлая посконная рубаха въ заплатахъ и черная понева; сразу видно, что въ нуждѣ человѣкъ! Осмотрѣла она меня съ ногъ до головы и говоритъ:

— Ты, что жъ, молодецъ, изъ города, что ли, идешь?

— Нѣтъ, тетенька, я не изъ города иду, я самъ изъ Тараскова, а шелъ было къ празднику въ село Кузьминщево... Да что-то вотъ вдругъ на дорогѣ со мною случилось — весь я ослабъ, — ноги подломились и насилу вотъ добрелъ до васъ.

— Ишь ты! Съ чего бы такъ? молвила она.

Присѣла женщина со мной и разговорилась. Спросилъ я ее, ея ли этотъ домишко, гдѣ она живетъ. И стала она мнѣ сказывать всю свою жизнь.

— Жила, говоритъ, я прежде въ довольствѣ, да вотъ наказалъ меня Богъ. Сумой кормлюсь и дѣтей кормлю. А кабы не деверь, и живы бы не были. Вышла я замужъ въ богатое семейство, были еще живы свекоръ и свекровь и еще два деверя, неженатые. Послѣ свадьбы вскорѣ померли свекоръ и свекровь; за ними черезъ годъ померъ одинъ изъ моихъ деверьевъ. И осталось насъ всего трое — мой мужъ да я, да еще младшій братъ, — еще неженатый. Въ домѣ у насъ всего было вдоволь, ни въ чемъ никогда не нуждались мы. Скотинки было у

насъ — четыре коровы да подтелочекъ, три лошадки; хлѣбушка у насъ хватало за новь. Вышелъ изъ года деверь, мы женили его; взяли за него дѣвушку красивую, изъ богатаго дома, съ большимъ приданымъ. И жили мы все хорошо. Мой мужъ хозяйничалъ въ домѣ, и прожили мы этакъ годовъ съ восемь.

Потомъ выбрали моего мужа въ сельскіе старшины. Въ старшинахъ онъ ходилъ три года. Еще лучше жить стали. Завелись у мужа деньги. И попуталъ меня нечистый. Думаю себѣ: у насъ деньги, мы теперь эти деньги на домъ изводимъ: гдѣ лошадь купимъ, гдѣ на подати отдадимъ, а доведется дѣло — задумаетъ братъ дѣлиться — все на двѣ части пойдетъ. Надо намъ напередъ отдѣлиться, пока мы съ деньгами. И какъ задумала я это, опостылили мнѣ деверь и невѣстка и пуще всего дѣти ихъ. Начались у насъ ссоры. И стала я мужа настраивать, чтобы дѣлился. Бились, бились годъ — осенью раздѣлились. И что же ты думаешь, милый человѣкъ? Не пошли въ прокъ наши деньги. И не видали, какъ всѣ разошлись, то лошадь ободрали, а то пожаръ. А тамъ и мужъ заболѣлъ и померъ. И осталась я одна съ дѣтьми малыми да съ сумой. Сама себя погубила и дѣтей своихъ; кабы не дѣлились и жили съ деверемъ, ничего бы не было.

— Ну, а деверь-то что жъ не помогаетъ?

— Помогаетъ, милый человѣкъ, помогаетъ, дай ему, Господи, на нашу долю. Деверь — какъ отецъ нашъ родной. Кабы не онъ, живы бы не были. Вотъ вчерась, подъ праздникъ, принесъ мнѣ муки ржаной, пшеничной фунтовъ шесть, четыре селедки,

масла. Всегда такъ дѣлаетъ,—сказала она, перекрестившись, взглянула на дѣтей и горько заплакала.—Сама себя погубила.

Солнце сошло уже на полдень. Я говорю женщинѣ:

— Тетенька, а мнѣ все что-то хужѣетъ... Богъ съ нимъ, съ праздникомъ, не пойду. Не найдешь ли ты мнѣ тутъ лошадки? Надо скорѣе домой отправиться, а вѣдь пѣшкомъ мнѣ не дойти.

— Съ чего же, касатикъ, не найти! Нынче праздникъ, никто не работаетъ, лошадки у всѣхъ гуляютъ.

— Ну, такъ пожалуйста похлопочи, сходи попроси кого-нибудь, чтобъ онъ запрягъ лошадь да свезъ до Тараскова.

Женщина ушла и, немного погодя, за мною подъѣхала лошадь съ телѣгой.

Взлѣзъ я на телѣгу, распрощался съ женщиной и уѣхалъ. Всю дорогу я думалъ объ этой женщинѣ. Женщина эта словами своими спасла меня отъ грѣха. Я шелъ къ товарищу за дурнымъ совѣтомъ, да вышло все по божьи.

Подъѣхалъ я къ дому. Братъ сидѣлъ на завалинкѣ; около него сидѣли четыре мужика, сосѣда; о чемъ-то толковали. Слѣзъ я съ телѣги, подошелъ къ брату и прямо при народѣ поклонился ему въ ноги, говорю:

— Братъ! прости меня...

Братъ испугался, вскочилъ съ завалинки, поднялъ меня и говоритъ:

— Что ты? что съ тобой, братъ? ты меня ничѣмъ не обижалъ; встань, зачѣмъ это?

— Прости меня, братъ! ради Бога прошу, прости! Я на тебя зло мыслилъ и было погибъ на пути.

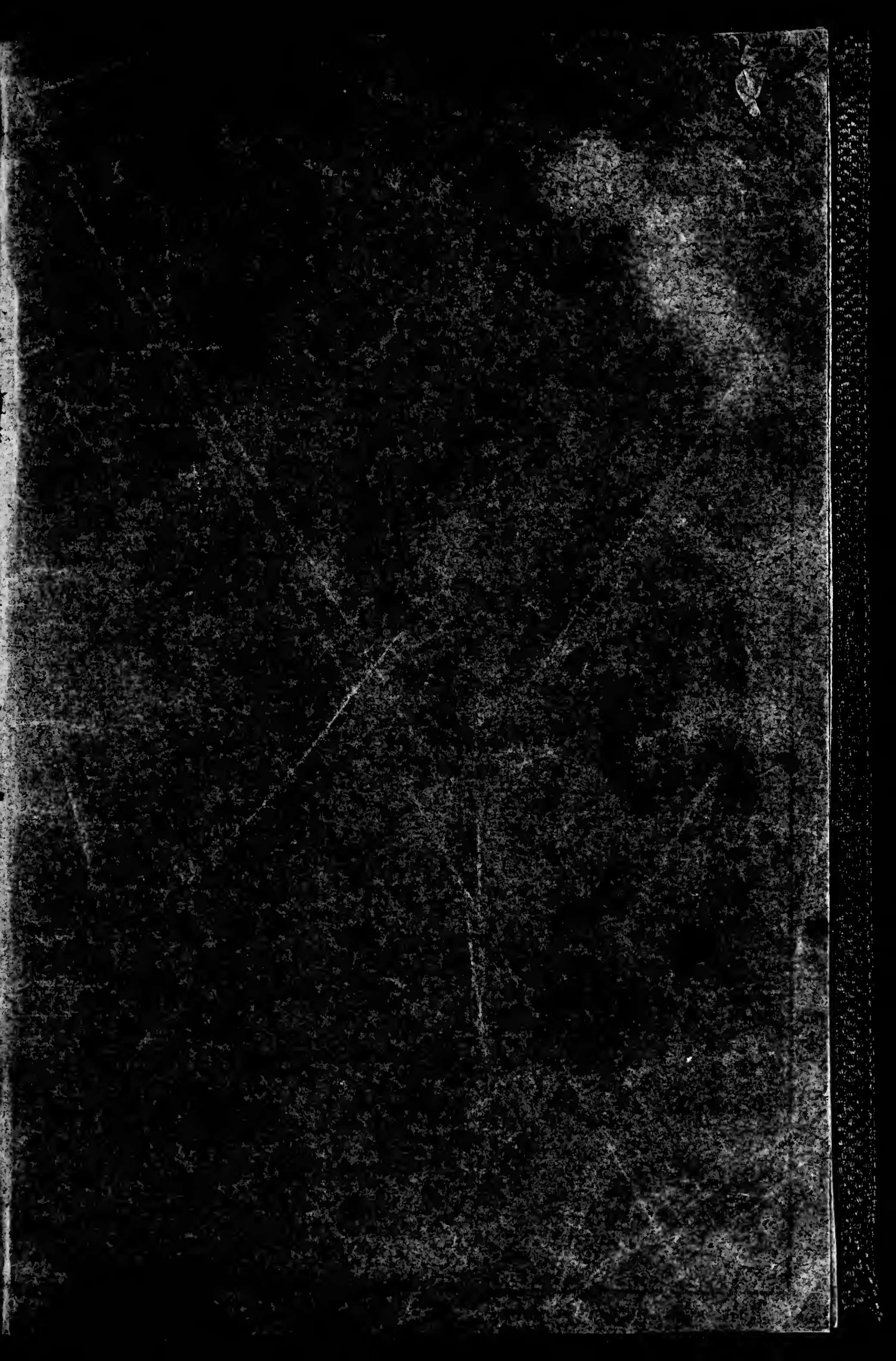
И разсказалъ я брату все, и зачѣмъ пошелъ было къ товарищу.

Братъ выслушалъ меня и заплакалъ. Заплакалъ и я. Открылъ я послѣ этого свои деньги брату, отдалъ ему въ домъ. И придумали мы съ братомъ принанять земли у помѣщика, и остался я жить дома.

Стала было опять приставать ко мнѣ жена, чтобы раздѣлился я; да сказалъ я ей, что не будетъ этого, пока я живъ буду, и на всѣ ея рѣчи только молчалъ.

Поговорила, побуравила жена, а потомъ затихла. И живемъ мы теперь съ братомъ лучше прежняго.

Конецъ.

Дозв. ценз. Москва, 16 октября 1890 г. Лит. И. Д. Сытина [illegible] Москвѣ

